

И.В. Чарычанская (Воронеж)
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье обсуждается проблема адекватности перевода и ее зависимости от таких параметров как качество и количество возможных интерпретаций оригинала.

The article is focused on the problem of adequacy of translation and its dependence on the parameters of quality and quantity of possible interpretations of the source text.

В предисловии к АНТОЛОГИИ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Х.-Л. Борхес разделяет произведения на те, что создаются для удовольствия читателя и те, что создаются для анализа, или, иными словами, интерпретации (Борхес 1999). Однако, необходимость перевода и тех, и других ставит под вопрос бесспорность этого остроумного высказывания. Как известно, собственно перевод представляет собой последний этап работы над текстом, которому предшествуют процесс понимания и интерпретации оригинала. Многообразие возможных трактовок одного и того же текста существенно осложняет работу переводчика, который (в отличие от обычного читателя, интерпретирующего текст с разной степенью осознанности и обладающего зачастую лишь одним вариантом интерпретации какого-либо элемента текста) должен подходить к процессу интерпретации вполне осознанно и иметь представление обо всем многообразии трактовок одного и того же элемента, с тем, чтобы это многообразие максимально сохранить и в ПТ. Элементом, подлежащим интерпретации, может быть любой фрагмент текста – слово, знак препинания, эпизод, фраза, весь текст в целом. Задача переводчика состоит в том, чтобы перевод давал равные возможности интерпретировать текст читателю ПТ по сравнению с читателем ИТ, но при этом не уводил читателя ПТ по «ложной тропе», предлагая интерпретацию, исключющуюся при чтении оригинала. Перевод, как продукт интерпретации переводчика, существенно отличается от продуктов «обычной» интерпретации (например, критических статей), т.к. переводчик, как интерпретатор оригинала и автор перевода, лишенный, однако, прав на авторство, создавая новый текст для интерпретации, вынужден имплицитно иметь собственную интерпретацию в тексте перевода. При этом необходимым условием адекватности перевода является равенство качества (Q) и количества (N) возможных интерпретаций оригинала (ио)

и перевода (ип). Если интерпретация переводчика является ложной, переводчик эксплицирует информацию не существенную для понимания текста, опуская информацию существенную, или вводит информацию, отсутствующую в оригинале (т.е. $Q_{\text{ио}} \neq Q_{\text{ип}}$); сужает поле интерпретации ($N_{\text{ио}} < N_{\text{ип}}$) или, напротив, расширяет его ($N_{\text{ио}} > N_{\text{ип}}$), то перевод представляет собой искаженное псевдо-подобие оригинала, а переводчик предлагает читателю перевода не произведение, переводимого автора, а собственное произведение, в котором он выдает свои мысли за мысли автора.

Проиллюстрируем три представленные выше неравенства на материале четырех вариантов перевода рассказа А.П. Чехова ДАМА С СОБАЧКОЙ – двух переводов английских переводчиков (Айви Литвиновой и Констанс Гарнетт), одного перевода, изданного в американском издательстве, под редакцией Луны Хэн, и, наконец, перевода на французский язык (Колет Стояновой). Для удобства сравнения мы используем прием обратного перевода, т.е. перевода ПТ на язык оригинала. При этом с тем, чтобы снизить возможность возникновения эффекта «испорченного телефона», при вторичном переводе уже переведенного текста, мы используем дословный или буквальный перевод. Стоит отметить, что данный способ обратного перевода был использован ранее А.М. Финкелем в качестве инструмента сравнения и анализа девяти вариантов перевода стихотворения Байрона SUN OF THE SLEEPLESS (Финкель 2001). Несмотря на то, что понятие буквального перевода неоднократно подвергалось критике со стороны многих ученых, в частности, К.И. Чуковским, отмечавшим что «Буквальный перевод – наиболее лживый из всех переводов, наиболее далекий от оригинального текста. Богатый словарь нужен переводчику, чтобы переводить не дословно» (Чуковский 1963), – мы склонны придерживаться мнения А.М. Финкеля, считавшего, что дословный, точный перевод не только допустим, но и необходим. По мнению А.М. Финкеля, «понятие ‘дословности’ меньше всего относится к словам, т.е. лексике и семантике» (Финкель 2001: 177). Автор также отмечает, что дословность приобретает отрицательную оценку только по отношению к фразеологии и синтаксису. Стоит отметить, что под буквальным переводом мы понимаем такой перевод, при котором главное значение придается достижению максимальной эквивалентности текстов на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях, в

ущерб эстетическому воздействию на читателя. Необходимо также отметить, что мы осознаем, что вторичный перевод, представляя собой исключительно инструмент исследования, отнюдь не претендует на статус произведения искусства, в отличие от оригинала и большинства вариантов первичного перевода и является средством, но не целью исследования.

А теперь рассмотрим следующие неравенства, отражающие искажение оригинала, в результате его ошибочной интерпретации переводчиком:

$$Q_{\text{ис}} \neq Q_{\text{ип}}$$

В конце первой главы, после первой встречи Гурова с Анной Сергеевной, у себя в номере он думает о ней:

*Вспомнил он ее тонкую, **слабую** шею, красивые серые глаза (А.П. Чехов). // Он вспомнил ее тонкую, **хрупкую** шею, ее ясные серые глаза (А.Литвинова). // Он вспомнил ее тонкую, **хрупкую** шею, ее милые серые глаза (К.Гарнетт). // Он подумал о ее тонкой, **белой** шее, красивых, серых глазах (Л.Хэн). // Он вспомнил ее **хрупкую, гибкую** шею, ее красивые серые глаза...» (К.Стоянова).*

И заканчивает свои размышления: *«Что-то в ней есть жалкое все-таки», – подумал он и стал засыпать.* В переводах А.Литвиновой, К.Гарнетт и К.Стояновой происходит замена прилагательного *слабый* на прилагательное *хрупкий*, а в переводе Л.Хэн на *белый*. *Хрупкий* содержит в себе и значение *слабый*, однако, последнее в большей мере обладает отрицательными коннотациями, поскольку в отличие от слова *хрупкий*, более привычного при описании женского тела, *слабый* может использоваться и для обозначения недостатка. Помимо этого данное описание может использоваться и в качестве метафоры, указывающей на слабость характера героини, ее неспособность противостоять обстоятельствам. Более того, на такое значение данного прилагательного указывает и следующее предложение – *«Что-то в ней есть жалкое все-таки»*. Переводчики же, напротив, приукрашивают героиню, заменяя потенциально негативную характеристику оригинала на явно положительную. В переводе Л.Хэн такое приукрашивание происходит в еще более яркой и недопустимой форме: прилагательное *слабый* заменяется на *белый*.

$$N_{\text{ис}} > N_{\text{ип}}$$

Как уже упоминалось выше, элементом интерпретации является любой фрагмент текста, в том числе и грамматическая форма. Поэтому необоснованное изменение даже такого признака, как число, может являться следствием различной интерпретации одного и того же элемента текста. Проиллюстрируем данную мысль на следующем примере:

*Она жаловалась, что дурно спит и что у нее тревожно бьется сердце, задавала все **одни и те же вопросы**, волнуемая то ревностью, то страхом, что он недостаточно ее уважает (А.П. Чехов). // Она жаловалась, что плохо спала, что ее сердце тревожно билось. Вновь и вновь задавала **один и тот же вопрос**, страдала то от ревности, то от страха, что он ее недостаточно уважает (Л.Хэн).*

В переводе Л.Хэн в результате незначительной, на первый взгляд, замены существительного множественного числа *вопросы* аналогичным существительным в единственном числе *вопрос* происходит искажение значения, представленного в оригинале. В исходном тексте тот факт, что героиня задает *одни и те же вопросы*, подчеркивает ее волнение, более того, множественное число существительного позволяет нам лишь выдвигать предположения о том, какие именно это вопросы, но, по сути, для понимания текста несущественно насколько наши предположения будут соответствовать действительности, поскольку доподлинных сведений о том, что подразумевал под этими вопросами автор, в тексте нет. В переводе Л.Хэн единственное число существительного указывает на то, что задаваемый героиней вопрос очевиден, существенен для понимания текста. Наиболее вероятным предположением для читателя будет, скорее всего, то, что героиня спрашивала Гурова, любит ли он ее.

$$N_{\text{но}} < N_{\text{ни}}$$

Если предыдущий пример иллюстрирует случай ограничения переводчиком права читателя на собственную интерпретацию, то следующий пример, напротив, представляет собой расширение поля интерпретации, что, к сожалению, в равной степени, как и его сужение, осложняет понимание текста читателем.

*Мне, когда я вышла за него, было двадцать лет, меня томил любопытство, мне хотелось чего-нибудь **получше**; ведь*

*есть же, – говорила я себе, – другая жизнь (А.П. Чехов). // Мне было всего двадцать, когда я вышла за него, и меня пожирало любопытство, я хотела чего-то **высшего**. Я говорила себе, должна быть совсем другая жизнь (А.Литвинова). // Мне было всего двадцать, когда меня выдали за него. Меня мучило любопытство; я хотела чего-то **лучшего**. «Должна быть совсем другая жизнь», – говорила я себе (К.Гарнетт). // Мне было двадцать, когда я вышла за него. Меня переполняло любопытство. Я жаждала **чего-то**. «Конечно, – говорила я себе, – есть совсем другая жизнь» (Л.Хэн). // Когда я вышла за него, мне было двадцать, меня пожирало любопытство, я хотела чего-то **большего**: «Должна быть», – говорила я себе, – «совсем другая жизнь» (К.Стойнова).*

Если А.Литвинова и К.Стойнова при интерпретации предложения «мне хотелось чего-нибудь получше» вновь сужают значение исходного прилагательного и, либо акцентируют внимание именно на количественном, а не на качественном параметре (К.Стойнова), либо, используя в качестве эквивалента прилагательное высшего (очевидно, высшего по званию, положению, состоянию), характеризуют Анну Сергеевну, как человека честолюбивого (А.Литвинова), то Л.Хэн, напротив, расширяет значение фразы, которая в переводе приобретает совсем иной смысл. Отсутствие какого бы то ни было определения приводит к тому, что у читателя возникает впечатление, что Анна Сергеевна сама толком не знает, чего хочет.

Проиллюстрированные выше примеры подтверждают предположение о том, что отсутствие равенства между качеством и количеством возможных интерпретаций оригинала и перевода, может привести к искажению оригинала. Казалось бы, наиболее логичным представляется вывод о том, что перевод может быть призван адекватным только в случае его соответствия следующим формулам $Q_{но}=Q_{ип}$ и $N_{но}=N_{ип}$. Однако, в силу самоочевидных различий между языками и культурами оригинала и перевода, переводчик иногда вынужден 'навязывать' читателю собственную волю и эксплицировать значение исходного элемента текста, а, следовательно, такие необходимые действия противоречат вышеприведенным формулам. Рассмотрим два следующих примера:

И здесь все ходила, как в угаре, как безумная... и вот я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякий может

презирать (А.П. Чехов). // *И стала расхаживать туда сюда, как одержимая, как ненормальная... и теперь я стала обычной, никчемной женщиной, и каждый имеет право презирать меня* (А.Литвинова). // *И гуляла здесь, как пораженная, как ненормальная... и теперь я стала вульгарной, презренной женщиной, которую каждый может презирать* (К.Гарнетт). // *И начала бродить здесь в тумане, как ненормальная... и теперь я стала низкой женщиной, которую можно только презирать* (К.Стойнова).

Отсутствие в ПЯ эквивалента идиоматическому выражению как в угаре – т.е. как безумный: словарь В.Даля (Даль 1955-IV: 465), – заставляет переводчиков использовать слова близкие по значению: как одержимая = *possessed* (А.Литвинова); как пораженная = *dazed* (К.Гарнетт); в тумане = *dans un brouillard* (К.Стойнова). Для того чтобы лучше разобраться в значении выражения как в угаре обратимся к медицинским источникам, поскольку под выражениями как в угаре или как угорелый подразумевается отравление угарным газом, явление, распространенное в XIX в., от которого не был застрахован никто при печном отоплении, характерном для того времени. Различают отравления угарным газом легкой, средней и тяжелой степени. «Легкая степень отравления развивается при концентрации карбоксигемоглобина от 15 до 30%. Она проявляется головной болью опоясывающего голову характера (симптом обруча), головокружением, могут быть тошнота и рвота.

При отравлении средней тяжести (концентрация карбоксигемоглобина 30-40 %) развивается мышечная слабость, ухудшаются зрение и слух. Появляются одышка и тахикардия. Может быть кратковременная потеря сознания на месте происшествия, сменяющаяся возбуждением и слуховыми галлюцинациями или заторможенностью, адинамией. Артериальное давление повышено. Явления трахеобронхита.

При повышении содержания карбоксигемоглобина до 50-60% наступает потеря сознания, развивается кома (тяжелая степень отравления). Кожа цианотично-красная, зрачки расширены. Дыхание частое, поверхностное. Температура тела повышена. Затылочные мышцы ригидны. Могут развиваться парезы и параличи. Прогноз зависит от продолжи-

тельности коматозного состояния» (Отравление оксидом углерода). Таким образом, фразеологизмы *как в угаре, как угорелый*, очевидно, были образованы на основе симптомов, характерных для отравлений угарным газом легкой и средней тяжести, а именно головокружение, ухудшение зрения и слуха, состояние возбуждения (поэтому *носиться, как угорелый*), а также слуховые галлюцинации. Что касается вариантов перевода, то каждый из предложенных эквивалентов обладает своими оттенками значения. Так, *одержимая* предполагает неконтролируемость и, очевидно, в некоторой степени агрессивность поведения, *пораженная* – наличие шока, и, наконец, *в тумане* – чувство потерянности, неспособности осознавать и оценивать происходящее. Таким образом, характеризуя состояние героини, каждый переводчик акцентирует внимание на одной из характеристик. На наш взгляд, наиболее удачным, является последний вариант перевода – *в тумане*, поскольку из контекста очевидно, что героиня скорее не осознавала, что делает, нежели испытывала состояния шока, агрессию или бессилие. Подтверждает данное предположение и предыдущее предложение из монолога героини: *«Любопытство меня жгло... вы этого не понимаете, но, клянусь богом, я уже не могла владеть собой, со мной что-то делалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поехала сюда».*

Более сложный случай для интерпретации представляет следующий пример из второй главы рассказа – Анна Сергеевна, покидая Ялту и, прощаясь с Гуровым на вокзале, произносит следующую фразу:

Я буду о вас думать... вспоминать, – говорила она. – Господь с вами, оставайтесь. Не поминайте лихом. Мы навсегда прощаемся, это так нужно, потому что не следовало бы вовсе встречаться. Ну, господь с вами (А.П. Чехов). // *«Я буду думать о тебе... я всегда буду думать о тебе»*, – сказала она. *«Благослови тебя Бог! Не думай обо мне плохо (Думай обо мне хорошо). Мы расстаемся навсегда – так и должно быть, потому что мы не должны были встретиться. Прощай. Благослови тебя Бог»* (А.Литвинова). // *«Я буду тебя помнить... думать о тебе»*, – сказала она. *«Бог с тобой; будь счастлив. Не вспоминай обо мне плохо. Мы расстаемся навсегда – так и должно быть, потому что мы не должны были встретиться. Ну, Бог с тобой»* (К.Гарнетт). //

«Я буду думать о тебе – часто», – сказала она **«Прощай. Прощай. Не думай обо мне плохо. Мы расстаемся навсегда. Мы должны, потому что мы и не должны были встретиться. Теперь, прощай»** (Л.Хэн). // «Я буду думать... вспоминать Вас», – сказала она **«Бог Вас храни... Не упоминайте обо мне плохо. Мы расстаемся навсегда – так надо, потому что мы и не должны были встретиться. Храни Вас Бог...»** (К.Стойнова).

Интерес в данном случае представляет слово *оставайтесь*, которое, безусловно, не может быть переведено буквально. Скорее всего, данная фраза останется не замеченной читателем оригинала, для переводчика же она оказывается (что подтверждают варианты переводов данного произведения) своеобразным камнем преткновения. В действительности, что означает данная фраза, что хочет сказать героиня, говоря *оставайтесь*? Что это – разрешение или просьба оставаться в Ялте, обращенная к Гурову, желающему ехать вместе с Анной Сергеевной? Но такое объяснение противоречит содержанию. Между тем предыдущая и последующие фразы – *Господь с вами* и *Не поминайте лихом* указывают на то, что героиня прощаясь с Гуровым, с одной стороны, просит у него прощения – *Не поминайте лихом*, – а с другой – дает герою знать, что и она прощает, жалеет его и не держит на него зла, а потому желает ему добра (высшей защиты). Кроме того, под *оставайтесь* может подразумеваться и пожелание *Счастливо оставаться*, что вполне соответствует контексту. Варианты перевода, а именно отсутствие перевода рассматриваемой фразы в большинстве из них, подтверждают ее сложность для передачи на английский и французский языки. Все переводчики, за исключением К.Гарнетт, опускают глагол *оставайтесь*, и лишь только К.Гарнетт переводит его как *Будь счастлив!*, что на наш взгляд, в данном случае, максимально приближено к оригиналу. Что касается перевода Л.Хэн, в котором все предложение целиком *Господь с вами, оставайтесь* переведено повтором глагола *прощай*, то он слишком ‘далек’ от исходного текста, хотя, в целом, и соответствует описываемой ситуации. То же касается и перевода последней реплики героини – *Ну, господь с вами*, – при переводе которой А.Литвинова предпочитает добавить от себя еще и слово *прощай*, отсутствующее в оригинале, а Л.Хэн и вовсе заменяет исходную фразу фразой *Те-*

перь, прощай. Таким образом, если в переводах А.Литвиновой и К.Стояновой отсутствует значение прощения Гурова Анной Сергеевной, то в переводе Л.Хэн героиня к тому же и не желает ему высшей защиты. Тем самым, в отличие от оригинала, в котором Анна Сергеевна, сама будучи подавлена предстоящей разлукой 'навсегда', как предполагают герои, не только не жалеет себя, а, напротив, утешает Гурова, при чтении перевода Л.Хэн создается впечатление, что жалость героини направлена исключительно на саму себя. Таким образом, данный пример является подтверждением того, что от интерпретации переводчиком отдельной фразы может зависеть понимание центрального образа произведения.

Два последних примера подтверждают наше предположение о том, что не всегда адекватный перевод соответствует формулам $Q_{uo}=Q_{un}$ и $N_{uo}=N_{un}$. Иногда отсутствие в языке перевода интерпретируемых элементов языка оригинала вынуждают переводчика к поиску и замене исходных элементов языка элементами близкими по значению, или и вовсе к экспликации значения исходного элемента. Поэтому, при оценке адекватности продукта переводческой интерпретации, мы считаем необходимым соблюдение следующих формул: $Q_{uo}\cong Q_{un}$ и $N_{uo}\cong N_{un}$. При этом важно различать те случаи, в которых абсолютное равенство возможно и те, в которых потери неизбежны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борхес Х.-Л. Антология фантастической литературы.– СПб., 1999.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. ТТ. 1-4. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
3. Отравление оксидом углерода (угарный газ) (<http://www.medlib.ru/bme/neotl/17.shtml>).
4. Финкель А.М. О точности стихотворного перевода // Московский лингвистический журнал – Т.5 – №2. – М., 2001. – С.123-186.
5. Чуковский К.И. Бедный словарь и богатый // Литературная газета. – 1963. – 20 июля.

Получено 28.12.2004 Воронежский государственный университет